RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (Print), ISSN 2408-8897 (Online)
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ
2024 Vol. 24 No. 3 660–683
http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-660-683
EDN: DXLFCJ

Возможности метода неоконченных предложений в изучении «культуры отмены»*

А.С. Савенкова, М.В. Субботина

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: savenkova-ansr@rudn.ru; subbotina-mv@rudn.ru)

Аннотация. В последние годы популярность метода неоконченных предложений существенно возросла, и чаще всего данная методика используется для фиксации обыденных интерпретаций понятий с неоднозначными коннотациями (например, патриотизма, героизма и т.д.). В статье предпринята попытка применения метода неоконченных предложений для изучения феномена «культуры отмены», который был включен в научный дискурс относительно недавно. Авторами проанализированы разные подходы к определению и изучению культуры отмены, обозначены возможные последствия данного явления для общества, а также концепции, которые связаны с культурой отмены и могут дать (пусть и частичное) ее объяснение. В статье описана процедура и результаты разведывательного исследования на основе метода неоконченных предложений. В частности, респонденты склонны определять культуру отмены как инструмент воздействия, применяемый обществом в случае недопустимого поведения человека или организации. Респонденты уверены, что никто не застрахован от «отмены», однако порядочные люди меньше рискуют оказаться в числе «отмененных». Вопреки растиражированной СМИ позиции респонденты чаще связывают феномен отмены не с медийными личностями (как наиболее вероятными ее объектами), а с личностным восприятием, соотносят вовлеченность в практики отмены с аморальностью и глупостью, поэтому в целом негативно воспринимают попытки отменить кого-либо, полагая, что культура отмены приводит к эмоциональным и социальным проблемам. Как правило, среде тех, кто заслуживает отмены, опрошенные называют субъектов с ненормативным поведением (преступников, непорядочных людей и т.д.). Пользу культуры отмены респонденты видят в защите общества от деструктивного поведения его членов. Если же «отмена» затронет личные интересы респондентов, то опрошенные намерены использовать следующие тактики: если речь идет об «отмене» респондента, предпочтительно «исправление своих ошибок»; когда отмена затрагивает близкого человека, то респонденты ориентированы на поддержку и помощь; в случае отмены организации, услугами которой пользуются опрошенные, они скорее проявят равнодушие, так как данная ситуация не влияет непосредственно на их личность и самовосприятие.

Ключевые слова: метод неоконченных предложений; культура отмены; ресентимент; общество риска; «спираль молчания»

---

* © Савенкова А.С., Субботина М.В., 2024
Статья поступила в редакцию 02.12.2023. Статья принята к публикации 20.05.2024.

Метод неоконченных предложений вполне институционализирован в отечественной социологической традиции в контексте трех ключевых исследовательских стратегий: в качестве вспомогательного приема сбора данных в рамках массовых опросов (конструирование эмпирических индикаторов, обход жестких формулировок и т.д.); для создания новых методик изучения социальных феноменов (в ходе методических экспериментов); для описания жизнедеятельности людей в ситуации прояснения представлений о многомерных явлениях [15]. Большинство исследований, в которых используется метод неоконченных предложений, ориентированы на выявление обыденных представлений респондентов о привычных понятиях (например, патриотизм [13], гендерные различия [16], справедливость и счастье [21] и т.д.). Крайне редко данная методика применяется в изучении новых феноменов, представления о которых находятся в стадии формирования, и один из таких феноменов — культура отмены, трактовки которой оформились в общественном и научном дискурсе относительно недавно. Как правило, под ней понимается бойкотирование конкретных людей или брендов, которые транслировали идеи (обычно в сети Интернет), отличающиеся от общепринятых. По сути, культура отмены — это сложное социальное движение, сочетающее демократизацию дискурса с цензурой и нетерпимостью к идеям, которые противоречат доминирующим социальным нормам.

На сегодняшний день оформилось несколько подходов к определению культуры отмены, хотя большинство исследователей признают, что этот термин крайне перегружен как универсальное обозначение общественных реакций на оскорбительные мнения. Феномен настолько запутан и противоречив, что его сложно адекватно применять, особенно в научном дискурсе, поэтому необходима более точная концептуализация повседневных терминов, позволяющая «измерять» сложные социальные явления, к которым относится и культура отмены. В любом случае социальные активисты оказывают неформальное давление для наказания и изгнания влиятельных людей путем нанесения ущерба их репутации и карьере, отказа им в доступе к общественным платформам и социальным сетям, создания оснований для судебного преследования. Такая стратегия дает людям возможность поделиться собственным мнением и выразить коллективное моральное возмущение, мобилизовать общественное мнение и потребовать действий от людей, принимающих решения. Соответственно, культура отмены — коллективная стратегия активистов, использующих социальное давление для воздействия на людей, обвиняемых в оскорбительных словах или действиях [31. С. 4]. Это давление может дополняться полным прекращением «инвестиций» (лишением внимания и ресурсов того, кто совершил или сказал нечто оскорбительное) [24] и публичным осуждением того, кто обвиняется в противоречивых действиях и/или в сомнительных высказываниях.

Последствия отмены — потенциальная потеря социального и финансового статуса — часто трудно исправимы, хотя люди по-разному определяют культуру отмены и потому противоречиво реагируют на ее проявления. Например, большинство совершеннолетних американцев позитивно оценивают культуру отмены, трактуя ее как средство, заставляющее людей быть более ответственными в высказываниях и поступках, а не инструмент манипуляции и проявления: когда люди видят новостные сообщения, что кто-то подвергся «отмене», они, с одной стороны, испытывают удовлетворение, потому что «восторжествовала справедливость», а, с другой стороны, ощущают тревогу, потому что сами в прошлом могли высказать идею, которая на тот момент была приемлема, но теперь может быть использована против них; в то же время «отмена» может вызывать у людей гнев, поскольку ущемляет свободу слова [38].

Независимо от того, как люди воспринимают культуру отмены, само явление «отмены» далеко не новое — ее проявления можно встретить на протяжении всей истории человечества: например, в античности человек, который воспринимался обществом как неугодный или опасный, изгонялся из полиса на десять лет, что породило термин «остракизм», потому что решение об изгнании принималось на общественном голосовании с использованием остраконов — глиняных черепков, на которых люди писали имя того, кого, по их мнению, необходимо изгнать [14].

Возникновение Интернета и социальных сетей повлекло за собой создание новых типов коллективов на стыке общества и технологий. С одной стороны, социальные сети стали масштабной площадкой для обмена информацией, с другой стороны, проложили путь для развития многообразных цифровых культур и общественных движений. Возникновение разных социальных течений зачастую приводит к столкновению интересов и идеологий, в связи с чем одной из стихийных коллективных практик пользователей социальных сетей (без учета возможных последствий), стал акт отмены. Справедливо замечание М.Д. Кларк, что культура отмены укладывается в хабермасовскую концепцию публичной сферы, согласно которой публичный дискурс является сферой элит, и любое исследование культуры отмены должно начинаться с анализа властных отношений, которыми она определяется [24].

Феномен культуры отмены тесно связан и с концепцией «спирали молчания», разработанной Э. Ноэль-Нойман: человек будет стараться не озвучивать свое мнение, если уверен, что находится в меньшинстве и может столкнуться с общественным порицанием и осуждением. Согласно Ноэль-Нойман, когда человек не может свободно высказываться или поступать так, как считает нужным, не ориентируясь на идеи и установки своего окружения, можно наблюдать проявления общественного мнения [12]. Риск оказаться в изоляции пугает людей сильнее, чем невозможность высказать свое мнение.

Социальные сети оказывают непосредственное влияние на то, как репрезентируется общественное мнение, а потому воздействуют на индивидуальное восприятие, независимо от того, соответствует ли картина, представленная в социальных сетях, действительности (не исключено, что это лишь симулякр). Именно от того, как человек воспринимает общественное мнение, зависит эффект спирали молчания, и культура отмены во многом способствует ее закручиванию.

Также феномен культуры отмены можно связать с теорией конгруэнтности, согласно которой, если человек относится негативно/позитивно и к информации, и к ее источнику, то информация конгруэнтна и отношение к ее источнику не претерпевает изменений. Если же отношение к одному из них является позитивным, а к другому — негативным, то восприятие информации или ее источника может измениться [5].

В рамках теории общества риска действия, способные повлечь остракизм по отношению к человеку, могут трактоваться как способ достижения целей и самоактуализации [4]. Сопоставительный анализ работ отечественных и зарубежных авторов показывает сходство используемых примеров кенселинга (от *cancel* — отмена) — это музыкальные исполнители, кинозвезды и политики [1; 8]. Однако восприятие жизненных практик обычных людей и медийных личностей претерпело серьезные трансформации вследствие распространения социальных сетей: следствием диджитализации социума стало переформатирование ряда актов социализации, таких как поиск референтных групп и практики соотнесения индивида с большими группами. Возможность неформальной коммуникации в социальных сетях разрушает пространственные и статусные границы между социальными акторами, результатом чего становится возможность отзеркаливания, переноса событий и процессов, происходящих в жизни знаменитостей, в сферу повседневности широких кругов населения. Угроза быть осуждаемым, ущемленным в социальных или имущественных правах может рассматриваться как акт приравнивания к социальной значимости общественных элит. Следует отметить и определенную амбивалентность в восприятии процесса отмены и отменяемого: прибегающие к механизмам диссоциации индивиды могут восприниматься как морально ущербные, маргинализированные личности [25], способные добиться поставленных целей за счет медийного резонанса и коллективных акций, но не конструктивных предложений, подкрепленных весомой аргументацией.

Соответственно, действия расистской или сексистской направленности могут рассматриваться как осознанное рисковое поведение. Возможное осуждение, сопротивление трактуется как доказательство собственной «верной позиции» и социальной неполноценности оппонента, стремящегося добиться незаслуженно хороших условий. Медийный пример — слу-

чай Х. Вайнштейна и актрис, пострадавших от его действий: распространена точка зрения о вторичности вклада в киноискусство потерпевших женщин в сравнении с заслугами Вайнштейна, что порождает мученический образ несправедливо осужденного человека, чей профессиональный вклад весомее заслуг обвинителей (1). Аналогичный дискурс обнаруживается и в бытовой коммуникации, например, когда арендодатели жилья, указывающие приоритетность нанимателей по этническому признаку, похожим образом реагируют на обвинения в бытовом расизме [7]: осуждающие маркируются как не имеющие собственности, но стремящиеся распорядиться чужой.

Действия отменяющих также можно рассматривать как рисковые — нацеленные на достижение или восстановление социальной справедливости для группы или общности. В таком случае обоснованно рассмотрение феномена культуры отмены в контексте ресентимента: он может играть роль стимула для отмены, быть основой выбора объекта отмены и выполнять функцию морального возвышения инициаторов отмены [6]. Понятие ресентимента было введено Ф. Ницше в работе «К генеалогии морали» для характеристики морали рабов: они испытывают чувство враждебности к тем, кого считают виновными в своих неудачах, при этом ресентимент не просто проявление зависти или неприязни, а сублимация собственной неполноценности в особую систему морали [11].

М. Шелер, развивая идеи Ницше, определял ресентимент как интенсивное переживание и воспроизведение негативной реакции, направленной на другого. Иными словами, деструктивная эмоция «врастает» в структуру личности и определяет ее мировоззрение и реакции на события. Кроме того, человек постоянно возвращается к этим эмоциям и неоднократно проживает укоренившуюся ненависть [22]. Центральным элементом ресентимента является импульс зависти и мести, но ресентимент не подразумевает мгновенного выхода негативной энергии, он опасен переносом акта мести на будущее, на более подходящее время. Так формируется межклассовая зависть и ненависть — когда любое внешнее проявление враждебного класса/группы (жесты, одежда, речь) вызывает порыв злости и желание отомстить. В ресентименте Ницше и Шелер видели скрытую силу, которая ведет к агрессии и разложению общества, или же индикатор аномии, свидетельствующей о смене иерархии общественных ценностей [2].

Хотя явление «отмены» далеко не ново, и остракизм, бойкот и изгнание типичны для общества с момента его возникновения, современные возможности исключения человека из социума (речь идет не о полном изгнании, а скорее о существенном сокращении социальных контактов и финансовых возможностей) и причинения ему ощутимого репутационного урона вышли на качественно новый уровень. Согласно Р. Мертону, аномия — расхождение между структурами норм и возможностей [9], поэтому, вероятно, культура

отмены — ответ общества на накопившийся негатив от длительного ощущения несправедливости следствие неравномерного распределения возможностей и благ в обществе.

Несмотря на значительную мифологизированность, практики остракизма воспринимаются и локализуются по-разному. Так, агрессивность и общественная поляризация наблюдаются не только в социальных сетях, где разворачивается противостояние между «отменяющими» и «отменяемыми», но и в невовлеченных группах, где растет непонимание и взаимная подозрительность: большинство американцев не совершали действий по «устранению» допускающего оскорбительные высказывания оппонента, но гипотетические действия соотечественников в схожей ситуации оценивают иначе (в ходе опроса была обнаружена более чем двукратная разница между восприятием того, как часто сограждане прибегают к остракизму, и реальным положением дел) [25]. Жертвами остракизма в XXI веке нередко выступают знаменитости, обвиненные в сексуальных домогательствах, домашнем или экономическом насилии, что влияет на гендерные представления и стратегии брачного поведения. Случаи «отмены» медийных персонажей, нередко сопровождаемые имущественными потерями, могут выступать одним из факторов возрастания числа «соло-стратегий» (люди не регистрируют отношения с партнером или принципиально отказываются от отношений), хотя модальность восприятия рисков, формируемых «новой этикой», у мужчин и женщин различается.

Теневой стороной брака для мужчин выступает риск потери свободы и независимости в отношениях, собственности в случае развода. Распространенность практик отмены в современном обществе усиливает имущественные риски (женщину не станут осуждать, если после развода она подаст иск на раздел имущества), риски сожительства и поиска сексуального партнера (обвинения в насилии, шантаж). Освещение в отечественных и зарубежных СМИ изменений в гражданском законодательстве (например, принятый конгрессом Испании закон «Только “да” означает согласие» [37]), тиражирование ток-шоу с морально неоднозначными участниками (случай Дианы Шурыгиной, процесс Д. Деппа и Э. Херд) наводят на мысли о небезопасности для мужчин поисков партнера и сожительства. Приведенные примеры вызывают активный отклик в сети, формируя не только юмористический, но и критический контент, а многократное повторение новости делает ситуацию более масштабной в глазах публики, превращая ее в самосбывающееся пророчество практически для любого мужчины. Как правило, в роли отменяемого предстает мужчина, и каждое такое событие транслируется в фем-сообществах, в том числе радикальной направленности, как наглядное подтверждение патриархальности современного мира и опасности гетеросексуальных отношений для женщин.

В частности, демографические проблемы Южной Кореи не в последнюю очередь объясняются тенденцией отказа молодых кореянок от брака и романтических отношений: семейная жизнь кажется женщинам невыгодной и небезопасной (возможность насилия со стороны мужчин, их неготовность к совместному быту) [10].

Распространение культуры отмены накладывается на характерную для современного общества тенденцию открытого самовыражения, в том числе публичного. Внимание к эмоциональному комфорту, возможности выразить собственную позицию — отличительная черта таких институтов социализации, как школы и университеты (преимущественно в США и Европе). На административном уровне развиваются механизмы защиты студентов и сотрудников от притеснений по национальному или гендерному признаку, контроля недружественных, оскорбительных замечаний. Фоновой стороной демократизации социально-образовательного процесса выступает неустойчивость к «враждебному миру», сознательный или неосознанный поиск оскорбленной позиции. Наблюдаются разнополярные социальные тренды: с одной стороны, человек ответственен за свои высказывания, с другой стороны, их критика может восприниматься как попытка применения «социального кляпа», поэтому чувствовать себя в той или иной степени «отмененными» могут представители широких групп населения, придерживающиеся разных социально-политических взглядов [31. С. 3].

Представления о масштабности и неотвратимости рисков, связанных с реализацией социального контроля, не всегда приводят к стабилизации ситуации и минимизации агрессивного поведения, хотя ориентация на социальную справедливость способствует ощущению единения, солидарности в борьбе против совершившего осуждаемое деяние актора [28]. Однако такого рода коллективные действия не всегда носят рациональный характер, поэтому порой радикализируют общество, легитимизируя кенселлинг (выталкивание из социального пространства неодобряемой личности, попытки уничтожения и повреждения предметов, прямо или косвенно указывающих на подлежащие отмене явления). Причем успешная отмена выступает катализатором аналогичных действий, а в случае неудачи число попыток социального остракизма может сократиться. Так, после оправдательного решения суда в отношении Д. Деппа некоторые заявления о домашнем насилии были отозваны [26]. Однако такое снижение социальной напряженности носит временный характер и может восприниматься как доказательство сохранения статуса-кво для проигравшей стороны. Кроме того, объектами остракизма нередко оказываются бывшие соратники — если их действия были восприняты как недостаточно эффективные и решительные [3].

Еще одна особенность культуры отмены — проблема соразмерности социальной обструкции нарушению. Первый ее фактор — интерпретация

проступка и намерения: ряд ситуаций, определяемых как проявления остракизма/травли, основаны на определении действий нарушителя как расистских (например, так были расценено сообщение жительницы Окленда в полицию о группе афроамериканцев, готовивших барбекю в неположенном месте, — в результате онлайн-травли ей пришлось покинуть город) [23]. Также кенселлинг способен усиливать неравенство социальных групп: в отличие от медийных личностей, привыкших выступать в качестве инфоповода, осуждение и травля в соцсетях могут серьезно повлиять на привычные элементы жизненного мира обывателя. Кроме того, у обычных людей нет фанатских групп, проблема травли простого человека не афишируется в крупных новостных изданиях, что уменьшает шансы на формирование контрдискурса защиты.

Нацеленность на достижение социальной справедливости ограничена как уровнем взаимного понимания и рефлексии, так и механизмами интернет-коммуникации. Соцсети — инструмент демократизации общества, эффективной борьбы с негативными стереотипами и стигматизацией, поскольку информация СМИ и привилегированных групп может быть оспорена «снизу» [29]. Распространение расистской идеологии, публикация враждебных комментариев возможны, но меняется их подача — тон сообщения становится более ироничным, завуалированным, скажем, высказывание может подразумевать оскорбление по национальному или гендерному признаку, но подаваться как адресованное конкретному человеку или малой группе. С одной стороны, сокращение числа прямых, однозначных призывов к ненависти формирует новую коммуникативную нормальность, активно воспроизводимую в силу ее опривычивания. С другой стороны, принудительно уравнивающий характер онлайн-среды затрудняет дискуссию между разностатусными участниками, создавая напряженность в онлайн-пространстве [33]. Особенно это актуально в тех случаях, когда относительно гомогенные группы сталкиваются с попытками представителей других общностей быть включенными в пространство, где они ранее не были представлены. Например, повышение интереса к компьютерным играм среди женщин обусловило взаимные претензии в геймерских сообществах: игроки-мужчины высказывали недовольство изменением сюжетной и визуальной сторон игр под влиянием феминистической критики; для женщин-геймеров такая позиция подтверждала наличие сексистских стереотипов. Согласно исследованиям [39], платформа X (бывший Twitter) (2) способствовала поляризации точек зрения и внутригрупповой предвзятости: убежденность в справедливости собственной позиции заставляет каждую из сторон действовать агрессивнее, а внутригрупповая агрессия — одна из причин теневизации Интернета, появления преступных киберсообществ (люди создают закрытые сообщества, недоступные для представителей нежелательных групп, и такие сообщества могут об-

ретать экстремистскую направленность, сознательно отдаляясь от законодательных норм враждебного с их точки зрения государства). Выявления и блокировки группы, распространяющей агрессивные суждения, недостаточно для прекращения ее существования — зачастую не дожидаясь решения суда, ее участники создают новые каналы. Так, заблокированные каналы «Мужское государство» (2) и «ИГ» (2) продолжают работу под другими названиями или IP-адресами. Кроме того, закрытость затрудняет контроль со стороны гражданского общества: люди не видят содержимого страниц и групп с ограничениями доступа.

Определенные риски обусловлены и спецификой интернет-администрирования. Попытки кенселлинга не всегда сводятся к коммуникации двух противоборствующих групп/субъектов — взаимное осуждение дополняется апелляцией к третьей стороне, в качестве которой могут выступать надзорные органы, журналистские и профессиональные сообщества. Условными «третейскими судьями» могут быть администраторы и модераторы сообществ, получающие от участников дискуссии просьбы заблокировать одного из коммуникаторов. Подобные коммуникативные практики можно рассматривать как проявления инфантилизма или «аутсорсинга субъектности» — задача оценки глубины и серьезности оскорбления делегируется стороннему субъекту. Решение проблемы воспринимается участниками спора и комментаторами-наблюдателями по-разному, поэтому распространены обвинения в предвзятости или халатности модераторов. Один из вариантов минимизации интернет-агрессии — боты, удаляющие непозволительные комментарии и блокирующие участников беседы. С одной стороны, таким образом обеспечивается равенство пользователей, с другой стороны, наблюдается процесс дегуманизации, контроля над эмоциями и словами не человеком, а машиной. Оспаривается и практическая целесообразность электронной модерации: «В типичных системах модерации, управляемых платформой, ко всем нарушителям относятся одинаково, и к пользователям, которые непреднамеренно нарушают правила, применяются те же санкции, что и к пользователям, преднамеренно пытающимся причинить вред» [27].

Поскольку культура отмены столь многогранное и неоднозначное социальное явление, мы решили использовать метод неоконченных предложений для ее разведывательного эмпирического исследования, нацеленного на конструирование эмпирических индикаторов для будущего массового опроса. В исследовании приняли участие 87 респондентов в возрасте от 16 до 69 лет. Анкета состояла из двух разделов: «паспортички» и вопроса-фильтра, отсеивающего респондентов, которые не знают, что такое культура отмены (109 человек); 15 неоконченных предложений и 1 закрытый вопрос об отношении к идее о желании людей, чтобы общество разделяло их негативное отноше-

ние к тем, кого они осуждают. Неоконченные предложения были направлены на: выявление доминирующих представлений о феномене отмены («Культура отмены — это…», «Особенность культуры отмены в…»); оценку влияния культуры отмены на общество («Культура отмены приводит к…», «Культура отмены недопустима в случае…», «Культура отмены может быть полезной, если…», «Культуру отмены можно использовать как инструмент…», «Если бы не существовало культуры отмены, то…»); конструирование «портретов» тех, кто вовлечен в «отмену» («Действия, направленные на отмену кого-либо или чего-либо, совершают…», «Жертвой культуры отмены может стать…», «Однозначно заслуживает отмены…», «От действия культуры отмены защищен…»); выявление стратегий поведения респондентов в случае, если они сталкиваются с отменой («Если бы я стал жертвой культуры отмены, я бы…», «Если бы близкий мне человек стал жертвой культуры отмены, я…», «Если бы организация, производящая продукт/услугу, которой я пользуюсь, подверглась социальному осуждению, я…»); поиск понятий, с которыми респонденты связывают культуру отмены («Ближе всего к понятию культура отмены понятие…»). Полученные данные были сгруппированы в однотипные оценочно-смысловые блоки для выявления «ядра» и «периферии» представлений о культуре отмены.

Несмотря на то, что объем данных и структура выборки не позволяют говорить о типичности зафиксированных представлений, можно выделить несколько тенденций в восприятии культуры отмены. Так, в ответах прослеживается убежденность в ее широкой распространенности и доминировании ее бытовых проявлений, т.е. культура отмены не считается «прерогативой» медийных личностей. Такое восприятие отражено в логике конструирования определений культуры отмены, где было выделено шесть блоков, из которых четыре представляют собой разные реакции обывателя на процессы в его инфополе. Так, для 29 опрошенных культура отмены — инструмент нормативного воздействия в ситуации девиантного поведения индивида или группы: *«осуждение обществом человека за оскорбительные слова».* 22 человека определяют культуру отмены как *«коллективный призыв к отказу от взаимодействия с брендами или персонами»* и не дают моральной оценки явления. 6 респондентов акцентируют внимание на форме воздействия — *«инструмент эмоционального давления»,* 4 — как способ взаимодействия с инакомыслящими. Два «небытовых» типа определения сводят культуру отмены к *«способу привлечь к ответственности государственные власти»* и к неотрефлексированной массовой антипатии: *«когда куча людей хейтят, потому что это тренд».* Такие «политизированные» трактовки в большей степени характерны для мужчин.

В числе обозначенных респондентами особенностей культуры отмены выделяется три основные группы. Чаще всего опрошенные связывали специфику культуры отмены с моральными аспектами, и амбивалентность

ее восприятия обнаруживается в оценках ее последствий, где негативные оценки превалируют. Так, 14 человек указывают на неосознанность и бессмысленность диссоциации, не конкретизируя последствия, а ограничиваясь художественными образами: *«тупость», «слепота», «неуправляемость».* Несправедливость выражается и в тотальном обесценивании личности — *«отрицание прежних заслуг»* (7 человек). 3 респондента отметили несоразмерность проступка и наказания. Позитивная оценка весьма консолидирована — достижение справедливости назвали 11 человек.

Следующая группа ответов указывает на инструментальный характер культуры отмены: 16 опрошенных считают ее основным следствием формирование новых правил. Эмоциональная оценка здесь неоднозначна, как правило, это простая констатация *«четкие правила»* и пессимизм — *«утрата ценностей», «понимание неизбежности новой жизни».* 10 респондентов отметили масштабность явления, фоновым проявлением которого выступает консолидация общества — *«сплоченность», «сила общественного мнения», «массовое осуждение».* В большей степени «бытовой» тип представлений о культуре отмены определяет наличие в числе ее сущностных особенностей последствий для «жертв», но лишь 3 респондента видят в роли таковых в основном публичных, медийных личностей. 11 человек говорят в целом об *«эмоциональной, социальной депривации».*

Распределение мнений о последствиях культуры отмены не обнаруживает серьезных разногласий с логикой ответов на предшествующие вопросы — чаще всего упоминаются эмоциональные и социальные проблемы (29 ответов). Деструктивное психоэмоциональное состояние связывается с лишением «отменяемого» социальной поддержки. Диссоциация имеет всеохватывающий характер, формулировки респондентов (*«исчезновение», «отрицание обществом», «забвение»*) указывают на страх перед социальным «небытием» как наиболее жестокой формой наказания (преимущественно респонденты в возрасте 30–55 лет). Реже упоминаются репутационные и финансовые потери (13 и 8 ответов соответственно). Для обывателя последствия критичнее, нежели для организаций и медийных лиц: *«в масштабах корпораций — ничего, для обычных людей — травля и отчуждение в социуме».*

Распространено и представление о негативных макропоследствиях культуры отмены: 16 респондентов отметили развертывание открытых конфликтов, в том числе политических. Формулировки позитивных последствий носят абстрактный характер: *«улучшение жизни»*, изменение форм коммуникации — *«эстетика общения».* 15 ответов были сгруппированы в последствие «несправедливость», включающее обобщенные ответы *«ничего хорошего»* и *«потерю талантливых людей».* 7 респондентов не наделяют возможные масштабные социальные трансформации ценностными характеристиками, говоря о *«переменах», «замене культуры»* (чаще женщины). Лишь 3 респондента не видят существенных последствий в культуре отмены.

По мнению большинства респондентов, никто не застрахован от «отмены» (31 респондент), поэтому наиболее интересны переферийные представления о социальных группах, чей риск диссоциации минимален. Одна часть опрошенных связывает неприменимость социального остракизма или его неэффективность с позитивным восприятием личности, другая часть считает порядочность гарантией от общественных обвинений (следование коммуникативным нормам, общественной морали — *«воспитанные люди», «культурные люди»*) (преимущественно люди в возрасте от 30 до 55 лет). Другой тип ответов подчеркивает особенности характера как условие «выживания» в условиях попыток отмены — «*сила духа», «уверенность в собственной позиции»* (чаще люди в возрасте от 40 до 69 лет). Популярное представление о связи культуры отмены с корыстными интересами ее инициаторов выразили 7 опрошенных: *«простой», «непубличный человек»,* не обладающий экономическим, медийным капиталом, не представляет интереса для отменяющих.

Другая группа опрошенных связывает безопасность личности с принадлежностью к привилегированной группе, подразумевая эксплуататорский и претенциозный типы отношений. К эксплуататорской группе относятся представители управленческой элиты: *«вся политическая сфера», «руководители крупнейших социальных сетей».* Безопасное положение политической, чиновничьей элиты, видимо, связано с доминирующей трактовкой отмены как бойкота, сопряженного с социально-психологическим, реже с материальным ущербом, а отсутствие или незначительность реакции на общественное осуждение воспринимается как неспособность добиться поставленных целей посредством практик отмены. 4 человека считают безопасной претенциозную позицию: *«женщины», «люди нетрадиционной ориентации»* могут апеллировать к своему дискриминируемому положению, что уменьшает шансы их «отмены».

Весьма мозаичен социальной «портрет» применяющих инструменты культуры отмены: кенселлинг как набор негативных практик характеризует и личность акторов отмены, и негативные процессы культуры отмены в целом. Нередко вовлеченность в практики отмены соотносится с аморальностью, глупостью, бессубъектностью: *«недалекие», «настроенные, проплаченные»* (24 ответа, преимущественно мужчины и женщины старше 40 лет). Причисление прибегающих к практикам кенселлинга к конформистской группе характерно для респондентов 16–39 лет. 16 респондентов видят в культуре отмены способ победить в конкурентной борьбе как бытовом уровне (*«люди с противоположными интересами»*), так и на макрополитическом (*страны коллективно»*). 12 опрошенных описывают прибегающих к практикам отмены лиц как активистов, неравнодушных к общественным проблемам, однако демонстрируют амбивалентное отношение к культуре отмены: с одной стороны, акторы отмены воспринимаются как *«борцы за правду», «осуждение общественных пороков»*, с другой стороны, упоминается ситуативность

подобных действий (*«иногда, скрепя сердце»).* 22 человека не выделяют каких-либо особенностей «отменяющей» группы.

Описания ситуаций, в которых применение практик отмены недопустимо, соответствуют «бытовому» типу восприятия несправедливости: *«в случае невиновности жертвы», «корыстных целей обвиняющих»* (20 ответов). Значительная часть респондентов (18) считают культуру отмены деструктивной практикой, в принципе недопустимой — *«крайне нездоровый способ решать вопросы».* В определенной степени такая позиция может свидетельствовать о личностно осознаваемых рисках, о признании тотального вовлечения в процесс кенселлинга всех членов общества в условиях наличия антагонистических групп. Несоизмеримость наказания и проступка принципиальна для 11 респондентов, что соответствует критическому дискурсу о культуре отмены в отечественных и зарубежных публикациях [32]. Менее распространена позиция, связывающая недопустимость попыток отмены с поведением отменяемого: 5 респондентов считают раскаяние достаточным основанием для прекращения остракизма, 4 уверены, что общественное осуждение не должно побуждаться действием, имеющим в своей основе благородные мотивы (*«патриотизм», «отстаивание несправедливости»).* Часть респондентов акцентирует внимание на критических, опасных последствиях остракизма, что делает культуру отмены недопустимой *«в военное время», «если она вызывает хаос»*, в отношении уязвимых групп — *«дети», «люди со слабым эмоциональным фоном».* Лишь по мнению 3 респондентов, культура отмены оправдана в любых ситуациях.

43 опрошенных полагают, что «отменен» может быть любой, 13 связывают вероятность кенселлинга с известностью, влиятельностью, медийностью, экономической состоятельностью (чаще женщины). Часть респондентов рассматривает отмену в геополитическом контексте — может быть «отменен» *«любой народ, любая страна»* (чаще респонденты старше 40 лет). 8 человек считают весьма вероятной отмену аморальных людей, делинквентов — *«расисты», «насильники», «нарушающий нравственные и этические нормы»* (преимущественно молодежь). В свою очередь, негативный «модуль» восприятия культуры отмены связан с представлениями о ее манипулятивности, конъюнктурности, когда ее вероятная жертва — критически мыслящий человек с четко обозначенной позицией (8 ответов, преимущественно люди старше 40 лет) или же простой человек, не понимающий специфику современного общества и его коммуникативных практик (*«неподготовленный человек», «неопытный человек»*).

Амбивалентность представлений о культуре отмены показывают ответы на вопрос, кто однозначно заслуживает отмены. Чаще всего кенселлинг связывается с ненормативным поведением (26 опрошенных) без конкретизации: «*преступники», «человек, опасный для окружения», «плохой человек», «нечестные люди, которые пользуются другими», «садисты», «педофилы»,*

«предатели, иноагенты», «нечестивые мерзавцы, живущие не по совести и без Бога». В отдельную группу были объединены ответы о нежелательных явлениях — «*несправедливость», «негатив», «фашизм, национализм»* (14 ответов; чаще респонденты в возрасте 40–69 лет и до 18 лет). 15 респондентов считают, что культура отмены не должна применяться никогда, это преимущественно люди до 40 лет, видимо, как активные медиапотребители видящие в кенселлинге угрозу собственной безопасности и привычным досуговым практикам (если отменяется предпочитаемый бренд или медийное лицо).

Респондентам было предложено закончить предложение*: «Культура отмены может быть полезной, если…»*. В основном полезность соотносится с функцией поддержания социальной нормы, защитными механизмами в формальной и неформальной сфере. Наиболее частыми были ответы, которые подразумевают защиту общества от деструктивного поведения его членов (15 ответов): *«касается отмены доказано социально опасных явлений и людей», «есть угроза государственной безопасности», «если человек совершил серьезное правонарушение, особенно если замешаны жизни и здоровье людей»* и т.д. На втором месте (14 ответов) идут ответы, подразумевающие, что культура отмены, в целом, может привнести позитивные изменения в жизнь людей: *«приведет общество к более здоровой атмосфере», «идет во благо народа, страны», «полезна человеку», «есть польза от этой отмены для общества», «делается во благо мира», «если будет полезной».* Другими словами, респонденты склонны видеть позитивный потенциал в данном явлении, но не готовы предложить конкретные примеры. На третьем месте по частоте упоминаний находятся ответы, связанные с проблемой морали и ответственности (12 ответов): *«общество искренне осуждает порок», «люди забыли о морали», «заставляет публичных личностей нести ответственность за оскорбительные слова и действия, которые транслируются огромной аудитории»,* то есть культура отмены может быть направлена на перевоспитание общества. Несколько реже респонденты делали высказывания, связанные с темой справедливости (5 ответов): *«направлена против несправедливости», «направлена на борьбу за социальную справедливость», «если нужно восстановить справедливость».* Вероятно, опрошенные ощущают, что культура отмены, как рычаг давления, может быть использована для достижения справедливости, однако респонденты не предлагали конкретных примеров, что закономерно, учитывая, что данное понятие крайне неоднозначно и имеет множество коннотаций. Отдельно стоит выделить такую категорию ответов, как исключающее положение (13 ответов), куда были занесены ответы, отрицающие пользу культуры отмены: *«не полезна никак», «ни в каком из случаев», «не может быть полезной», «в том виде, который есть сейчас, данный феномен не может быть полезен»* и т.д. Таким образом, многие респонденты воспринимают культуру отмены исключительно как негативное явление.

Достаточно большое количество респондентов (7 человек) затруднились с ответами на данный вопрос, еще больше (18 человек) дали ответы, которые не удалось отнести к какой-либо классификации из-за редкости упоминаний или несогласованности со стимульной частью предложения: *«там будет Солженицын», «нет клеветы», «всё вместе», «страны об этом договорились»* и т.д. Существенных различий в ответах мужчин и женщин не прослеживается, что касается различий между респондентами из разных возрастных групп, опрошенные 30–39 лет чаще всех остальных давали ответы, отнесенные к категории «исключающее положение», либо отмечали позитивные изменения в целом, без указания конкретики. Так, исходя из ответов респондентов касательно пользы культуры отмены, можно резюмировать, что устойчивые представления практически не сформированы: чаще всего опрашиваемые либо затрудняются ответить, либо дают абстрактные ответы без уточнений. При этом в основном респонденты не исключают того факта, что культура отмены может приносить обществу пользу, контролируя деструктивные поступки и напоминая людям о морали и ответственности за свои действия.

Варианты окончания предложения «Культуру отмены можно использовать как инструмент…» разделились, однако общая модальность восприятия данного феномена сохранилась — четко прослеживаются представления о конструктивном и деструктивном применениях культуры отмены: контроль и управление (12 ответов), защита (7), достижение справедливости и воспитание (по 6); но в то же время давление (22) и манипуляции (8), изменение общественного мнения и использование в политических целях (по 6). Говоря о деструктивном использовании культуры отмены, респонденты указывают *«запугивание», «давление», «гонение», «ущемление», «манипулирование», «издевательство», «травлю», «кенселлинг»* и т.д., о ее конструктивном применении — *«контроль за насилием», «регуляцию поведения медийных личностей», «предотвращение преступлений», «воспитание, образование, развитие кругозора и мышления», «исправление преступников»* и т.д.

Что касается гипотетической ситуации отсутствия в мире культуры отмены, то респонденты чаще отмечали негативные аспекты такого положения дел: *«было бы плохо», «был бы хаос», «был бы беспредел»*; *«проблемы морали», «вседозволенность», «не осталось бы справедливости, чести, совести»*; *«многие знаменитости не знали бы границ плохих действий», «было бы дозволено оскорбление в адрес других людей», «люди были бы более грубыми», «не было бы стандарта поведения в обществе»*; *«многие действительно разрушающие действия компании и/или человека остались бы безнаказанными», «был бы наводнен рынок чем попало».* Позитивные последствия упоминались значительно реже: *«было бы здорово», «все было бы гораздо лучше», «все люди жили бы в счастье»*; *«было бы меньше бойкотов», «не было бы драк, оскорблений», «меньше было бы клеветы»; «в обществе был бы мир и согласие»,*

«был бы равный культурный обмен», «общества вышли бы на новый уровень», «меньше осуждения». 13 респондентов считают, что, если бы культуры отмены не существовало, было бы аналогичное явление с другим названием: *«общество бы придумало что-то еще», «возник бы другой аналогичный инструмент», «ее бы просто назвали по-другому, а так она всегда была и будет».* 7 респондентов указали, что при отсутствии культуры отмены ничего бы не изменилось: *«всем было бы все равно», «оставалось бы все, как и прежде», «ничего особенного бы не было».*

Называя синонимы культуры отмены, респонденты давали достаточно предсказуемые ответы — бойкот, остракизм, изгнание, подразумевающие исключение человека из общества (28 ответов). На втором месте по частоте упоминаний оказались понятия, связанные с активными агрессивными действиями против человека: травля, буллинг, унижение (16 ответов), далее следуют осуждение (7), игнорирование как пассивное проявление отмены (5), реже этатические формы воздействия — цензура (4) и правосудие (3). Затруднились ответить на данный вопрос 8 респондентов, еще 20 написали закрытия, которые не поддаются классификации или не согласуются со стимульной частью предложения (например: *«интеллигент», «закон», «слова», «понимание»* и т.д.). Женщины чаще затруднялись с ответом, а мужчины чаще давали ответы, которые не согласуются с вопросом. Чем старше респонденты, тем чаще они использовали такие слова, как бойкот и остракизм, в то время как более молодые участники опроса упоминали травлю и буллинг.

Три завершающих неоконченных предложения были посвящены реакции респондентов на ситуацию, когда жертвой отмены стали они сами, их близкие и организации, продуктами/услугами, которых они пользуются. В первом случае одни респонденты указывали разные варианты предполагаемых действий, а другие сделали акцент на особенностях эмоционального состояния — подавленность, грусть, огорчение (10 человек) или, напротив, спокойствие и безразличие (12). Что касается активных действий, то 13 респондентов попытаются исправить ситуацию своими силами: *«постаралась найти выход из сложившейся ситуации», «сделать все, чтобы вернуть свое место в обществе», «доказывал бы свою невиновность», «решила бы признать свою ошибку, извиниться и принять меры для исправления ситуации».* 5 респондентов выбрали бы юридическое решение: *«нанял адвоката», «подала в суд», «если действия неправомерны, решила бы конфликт законным путем».* 7 респондентов заявили о готовности к полной информационной изоляции, 6 — о полном бездействии, 10 — о саморефлексии: *«проанализировал бы свои действия», «задумалась бы над правильностью выбора», «подумала, а права ли я?», «постаралась бы пересмотреть свои поступки», «прислушался бы к мнению и пересмотрел свои взгляды».* 5 респондентов исключили для себя возможность быть отмененными. Женщины чаще склонялись к спокойствию, бездействию и рефлексии, мужчины чаще заяв-

ляли о вероятном подавленном состоянии. Больше всего затруднений этот вопрос вызвал у респондентов 24–29 лет, респонденты 30–39 лет чаще намерены исправить ситуацию своими силами, 40–55-летние склонны к рефлексии и спокойствию, самая старшая группа (56–69 лет) чаще предпочитала юридическое решение вопроса.

Ситуация меняется, когда речь заходит о близких людях в «статусе отмены»: изменить их положение постараются 24 респондента (против 13 готовых бороться за себя), 3 респондента выбрали юридическое решение, 4 — бездействие и спокойствие (против 12 в случае собственной отмены), 10 — рефлексию и анализ. Большинство ответов (30) было отнесено к категории «поддержка»: *«попытаюсь понять, в случае чего я всегда его поддержу и не брошу», «поддержала бы его и посоветовала обратиться к психологу», «поддержал бы его морально»* и т.д. Лишь 1 респондент указал, что присоединился бы к травле, если бы вина его близкого была доказана. Женщины чаще склонялись к поддержке, а мужчины к активным действиям.

Возможные реакции респондентов на отмену организации, чьей услугой или товаром они пользуются, были объединены в три группы: большинство не изменит своим потребительским привычкам — продолжат пользоваться услугами организации (19 респондентов) или безразлично отнесутся к данному инциденту (12); значительное число (24 ответа) сначала изучат ситуацию, а потом примут решение (*«проверила бы все источники, узнала бы в чем дело», «выясню все обстоятельства», «сначала разобрался бы в ситуации», «перепроверил и только потом сделал вывод»*; реже всего респонденты готовы отказаться от привычного потребления — 10 перестанут быть пользователями, 4 присоединятся к осуждению, а 3 огорчатся. Несколько респондентов неверно истолковали стимульную часть предложения, подумав, что речь идет об организации, в которой они работают, и ответили, что уволились бы из данной компании. Такая интерпретация подтверждает личностно-ориентированное отношение к культуре отмены и понимание индивидуальных рисков.

Таким образом, ответы респондентов на обозначенные выше вопросы можно объединить в следующую таблицу 1:

Завершал анкету закрытый вопрос о согласии или несогласии с тем, что большинство людей хотели бы негативного общественного восприятия тех, кого они лично осуждают. Затруднились высказать свое мнение 4 % респондентов, остальные ответы (Рис. 1) говорят о том, что, несмотря на распространенное негативное отношение к практикам кенселлинга и реализующим их группам, большинство респондентов (81 %) отмечают формирование монополярного общественного восприятия действий и суждений, что, видимо, обусловлено высоким уровнем тревожности в диджитализирующемся социальном пространстве (боязнью оказаться в числе изгоев).

Таблица 1

«Ядро» и «периферия» трактовок феномена отмены

	Ядро	Периферия	Дальняя периферия
Культура отмены	**Общие представления**		
	Инструмент нормативного воздействия на девиантных личностей Коллективный отказ от взаимодействия (с людьми или брендами) Негативная оценка (неосознанность и бессмысленность) Недопустима, если приводит к несправедливости	Инструмент эмоционального давления Формирование новой этики/новых норм Недопустима ни при каких условиях	Способ взаимодействия с инакомыслящими Тренд на антипатию Абстрактные негативные последствия для общества Недопустима, если несоизмеримы проступок и реакция на него
	Польза культуры отмены		
	Защита/поддержание социальных норм Сохранение общества от аномии	Перевоспитание общества/защита морали и нравственности Позитивные изменения	Достижение справедливости Нет пользы
	Деструктивное влияние культуры отмены		
	Давление на общество Увеличение числа конфликтов	Манипуляции общественным мнением	
Человек в контексте механизмов отмены	**Кто может подвергнуться отмене**		
	Любой человек	Знаменитости	Аморальные личности
	Кто застрахован от отмены		
	Никто	Порядочные люди Принадлежащие к привилегированной/властной группе	Сильные духом/уверенные в себе Непубличные люди Представители меньшинств
	Кто однозначно заслуживает отмены		
	Индивиды, действующие ненормативно Преступники	Никто не заслуживает	Сама культура отмены и ее сторонники
	Кто является инициатором отмены		
	Аморальные, глупые люди	Те, кто стремится победить в конкурентной борьбе	Неравнодушные к общественным проблемам
	Последствия отмены для «жертвы»		
	Эмоциональные и социальные проблемы (отсутствие солидарности)	Репутационные и финансовые потери	
	Стратегии поведения при столкновении с отменой		
	Отмена респондента		
	Активные действия	Эмоциональная реакция	Рефлексия, попытка понять свои ошибки
	Отмена близкого человека		
	Эмоциональная поддержка	Действия, направленные на изменение ситуации	Безразличие, одобрение диссоциации
	Отмена организации		
	Сохранение потребительской модели	Анализ ситуации, оценка мнений	Отказ от потребления

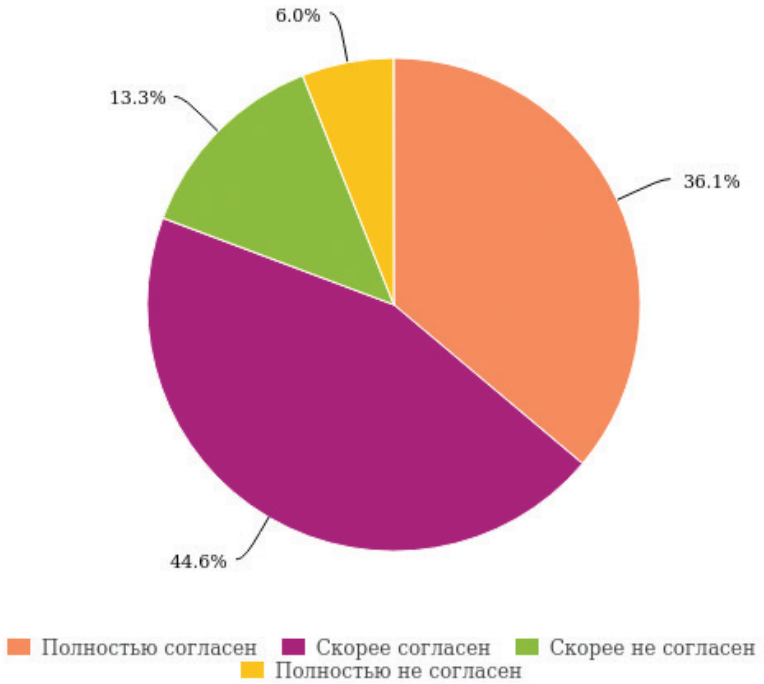

Рис. 1. Степень согласия с высказыванием: «В большинстве своем люди хотят, чтобы общество разделяло их негативное отношение к тем, кого они осуждают»

Таким образом, представления о культуре отмены сложно назвать оформившимися и однозначными — зачастую респонденты давали весьма общие и абстрактные ответы на неоконченные предложения, что, впрочем, говорит и о необходимости доработки исследовательского инструментария. В целом, несмотря на широкую тиражируемость термина «культура отмены», ответы респондентов говорят о несформированности, размытости представлений о ней. На это указывают как расширительные трактовки диссоциации (включая социально-правовые ее проявления), так и разброс ответов, многие из которых не поддаются типологизации или же противоречат логике вопроса.

Примечания

(1) Город грехов: справедлив ли приговор Харви Вайнштейну // URL: https://iz.ru/980087/marina-ivanova-elena-sidorenko-natalia-vasileva-elena-palmer/goroda-grekhov-spravedliv-li-prigovor-kharvi-vainshteinu.

(2) Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

Библиографический список

1. *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей. М., 2019.
2. *Беспалова Ю.М., Кондаков В.А.* Модернизационные преобразования в России // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М., 2012.

3. *Бойкина Е.Э.* Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. 2019. Т. 9. № 3.
4. *Былевский П.Г., Цацкина Е.П.* Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2022. № 2.
5. *Жмуров В.А.* Большая энциклопедия по психиатрии. М., 2012.
6. *Зайкова О.Н., Соковиков С.С.* Ресентимент как контекстуальная среда культуры отмены // XIV международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы–2022. К 100-летию ‘Философского парохода’» / Отв. ред. В.Ю. Перов. СПб., 2022.
7. *Казакова А.Ю.* Дискриминация арендатора: ксенофобия или практика безопасности // Жилищные стратегии. 2019. Т. 6. № 2.
8. *Котунова О.В.* Культура отмены: этический анализ // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. № 2.
9. *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
10. *Набиева К.М.* Проблемы демографии Южной Кореи в XXI веке // Корееведение в России: направление и развитие. 2020. Т. 1. № 1.
11. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // Сочинения. Т. 2. М., 1990.
12. *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
13. *Сикевич З.В.* Опыт применения процедуры неоконченных предложений в социологическом исследовании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. № 4.
14. *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006.
15. *Татарова Г.Г., Бурлов А.В.* Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. 1999. № 8.
16. *Тихомиров Д.А., Новицкая К.В.* Представления молодежи Москвы о гендерных ролях и характеристиках современной женщины // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 3.
17. *Троцук И.* Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2.
18. *Троцук И.В.* Несправедливая справедливость, или как социальный активизм разрушает идеи равенства и «хорошего общества» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 2.
19. *Троцук И.В.* Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1.
20. *Троцук И.В., Сохадзе К.Г.* Политкорректность, постмодерн и неотрайбализм: социологический взгляд на идеологию, инструменты и последствия «восстания меньшинств» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 3.
21. *Троцук И.В., Субботина М.В.* «Ядро» и «периферия» понятий «счастье» и «справедливость»: метод неоконченных предложений как инструмент валидизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4.
22. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999.
23. *Blitvich P.G.-C.* Moral emotions, good moral panics, social regulation, and online public shaming // Language & Communication. 2022. Vol. 84.
24. *Clark D.* Drag them: A brief etymology of so-called “cancel culture” // Communication and the Public. 2020. Vol. 5. No. 3–4.
25. *Dias N., Druckman J.N., Levendusky M.* Unraveling a “Cancel Culture” Dynamic: When and Why Americans Sanction Offensive Speech. 2024 // URL: https://ssrn.com/abstract=4235680 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4235680.

26. *Dickson E.J.* Men Always Win: Survivors "Sickened" by the Amber Heard Verdict. 2020 // URL: https://www.rollingstone.com/culture/culture-news/amber-heard-johnny-depp-verdict-metoo-trial-1361356.
27. *Hasinoff A.A., Schneider N.* From scalability to subsidiarity in addressing online harm // Social Media + Society. 2022. Vol. 8. No. 3.
28. *Henderson R.* The atavism of cancel culture // City. 2019. October.
29. *Khosravi N.M.* Social media critical discourse studies // Flowerdew J., Richardson J. (Eds.). Handbook of Critical Discourse Analysis. L., 2018.
30. *Narbut N.P., Trotsuk I.V.* Neighboring countries' images: Persistent stereotypes of the Russian student youth // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3.
31. *Norris P.* Cancel culture: Myth or reality? // Political Studies. 2021. Vol. 71.
32. *Owens E.* The Case for Cancel Culture. Washington, 2023.
33. *Shepherd T., Harvey A., Jordan T., Srauy S., Miltner K*. Histories of hating // Social Media + Society. 2015. Vol. 1. No. 2.
34. *Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V.* The youth of Russia and Serbia: social trust and key generational problems // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4.
35. *Trotsuk I.V.* Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2.
36. *Trotsuk I.V., Subbotina M.V.* Three questions to start the sociological study of heroism // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.
37. *Valdes I.* El Congreso aprueba la 'ley del solo sí es sí', que consagra el consentimiento como clave de la libertad sexual. 2022 // URL: elpais.com.
38. *Wong R.S.* Revisiting cancel culture // Contexts. 2022. Vol. 21. No. 4.
39. *Yardi S., Boyd D.* Dynamic debates: An analysis of group polarization over time on Twitter // Bulletin of Science, Technology & Society. 2010. Vol. 30.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-660-683
EDN: DXLFCJ

Possibilities of the unfinished sentences technique in the study of cancel culture*

A.S. Savenkova, M.V. Subbotina

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: savenkova-ansr@rudn.ru; subbotina-mv@rudn.ru)

Abstract. In recent years, the unfinished sentences technique has become increasingly popular, especially for identifying everyday interpretations of concepts with ambiguous connotations (e.g., patriotism, heroism, etc.). The authors applied the unfinished sentences technique to study the phenomenon of cancel culture, which has been included in the scientific discourse relatively recently. The article presents different approaches to the definition and study of cancel culture, focusing on possible consequences of this phenomenon for society, and some concepts that are associated with cancel culture and can provide (albeit partial)

* © A.S. Savenkova, M.V. Subbotina, 2024
The article was submitted on 02.12.2023. The article was accepted on 20.05.2024.

explanation for it. The article describes the procedure and results of the exploratory study conducted by the authors and based on the unfinished sentences technique. Thus, respondents tend to define cancel culture as a means of influence used by society in case of unacceptable behavior. Respondents believe that no one is safe from "cancellation", but decent people are less likely to be among the "cancelled". Contrary to the media position, respondents more often associate cancellation not with media personalities (as its most likely objects) but with everyday immorality and stupidity; therefore, in general, attempts to cancel someone are perceived negatively based on the belief that cancel culture leads to emotional and social problems. As a rule, respondents consider actors with abnormal behavior (criminals, dishonest people, etc.) as deserving cancellation, thus, considering cancel culture as a means of protecting society from the destructive behavior of its members. If "cancellation" affects their personal interests, respondents would use the following tactics: in case of their "cancelling" respondents would prefer to correct their mistakes; if their loved ones are cancelled, respondents would focus on support and assistance; if the organization whose services respondents use is cancelled, they would rather be indifferent, since this situation does not directly affect their personality or self-perception.

Key words: unfinished sentences technique; cancel culture; resentment; risk society, spiral of silence

References

1. Assman A. *Zabvenie istorii — oderzhimost istoriey* [Oblivion of History — Obsession with History]. Moscow; 2019. (In Russ.).
2. Bespalova Yu.M., Kondakov V.A. Modernizatsionnye preobrazovaniya v Rossii [Modernization transformations in Russia]. *Materialy IV Ocherednogo Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa.* Moscow; 2012. (In Russ.).
3. Boykina E.E. Ostrakizm i rodstvennye fenomeny: obzor zarubezhnyh issledovaniy [Ostracism and related phenomena: A review of foreign studies]. *Psikhologiya i Pravo.* 2019; 9 (3). (In Russ.).
4. Bylevsky P.G., Tsatskina E.P. Fenomenologichesky analiz yavleniya "kultura otmeny" [Phenomenological analysis of "cancel culture"]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye Nauki.* 2022; 2. (In Russ.).
5. Zhmurov V.A. *Bolshaya entsiklopediya po psikhiatrii* [The Great Encyclopedia of Psychiatry]. Moscow; 2012. (In Russ.).
6. Zaykova O.N., Sokovikov S.S. Resentiment kak kontekstualnaya sreda kultury otmeny [Ressentiment as a contextual environment of cancel culture]. *XIV Mezhdunarodnaya konferentsiya "Teoreticheskaya i prikladnaya etika: Traditsii i perspektivy — 2022. K 100-letiyu 'Filosofskogo parokhoda'"*. Otv. red. V.Yu. Perov. Saint Petersburg; 2022. (In Russ.).
7. Kazakova A.Yu. Diskriminatsiya arendatora: ksenofobiya ili praktika bezopasnosti [Discrimination of the tenant: Xenophobia or safety practices]. *Zhilishchnye Strategii.* 2019; 6 (2). (In Russ.).
8. Kotunova O.V. Kultura otmeny: etichesky analiz [Cancel culture: An ethical analysis]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 2022; 2. (In Russ.).
9. Merton R.K. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006. (In Russ.).
10. Nabieva K.M. Problemy demografii Yuzhnoy Korei v XXI veke [Demographic problems of South Korea in the 21st century]. *Koreevedenie v Rossii: Napravlenie i Razvitie.* 2020; 1 (1). (In Russ.).
11. Nietzsche F. K genealogii morali [On the genealogy of morality]. *Sochinenya*. Vol. 2. Moscow; 1990. (In Russ.).

12. Noelle-Neumann E. *Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya* [The Spiral of Silence. A Theory of Public Opinion]. Moscow; 1996. (In Russ.).
13. Sikevich Z.V. Opyt primeneniya protsedury neokonchennyh predlozheniy v sotsiologicheskom issledovanii [An application of the unfinished sentences technique in sociological research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2019; 4. (In Russ.).
14. Surikov I.E. *Ostrakizm v Afinah* [Ostracism in Athens]. Moscow; 2006. (In Russ.).
15. Tatarova G.G., Burlov A.V. Logicheskaya organizatsiya analiza dannyh, poluchennyh metodom neokonchennyh predlozheniy [Logical organization of the analysis of data obtained by the unfinished sentences technique]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1999; 8. (In Russ.).
16. Tikhomirov D.A., Novitskaya K.V. Predstavleniya molodezhi Moskvy o gendernyh rolyah i kharakteristikah sovremennoy zhenshchiny [Moscow youth's ideas about gender roles and characteristics of the contemporary woman]. *Gorizonty Gumanitarnogo Znaniya*. 2018; 3. (In Russ.).
17. Trotsuk I. Diskursivnoe konstruirovanie sotsialnoy realnosti: kontseptualnye osnovaniya i empiricheskie priemy razoblacheniya "skvernyh" praktik [Discursive construction of social reality: Conceptual foundations and empirical devices for unmasking the "abominable" practices]. *Russian Sociological Review*. 2014; 13 (2). (In Russ.).
18. Trotsuk I.V. Nespravedlivaya spravedlivost, ili kak sotsialny aktivizm razrushaet idei ravenstva i "khoroshego obshchestva" [Unfair justice, or how social activism destroys the ideas of equality and 'good society']. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (2). (In Russ.).
19. Trotsuk I.V. Spravedlivost v sotsiologicheskom diskurse: semanticheskie, empi-richeskie, istoricheskie i kontseptualnye poiski [Justice in sociological discourse: Semantic, empirical, historical, and conceptual challenges]. *Russian Sociological Review*. 2019; 18 (1). (In Russ.).
20. Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. Politkorrektnost, postmodern i neotraybalizm: so-tsiologichesky vzglyad na ideologiyu, instrumenty i posledstviya "vosstaniya menshinstv" [Political correctness, postmodernism and neotribalism: A sociological perspective on ideology, instruments and consequences of 'the revolt of the minorities']. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 3. (In Russ.).
21. Trotsuk I.V., Subbotina M.V. "Yadro" i "periferiya" ponyatiy "schastie" i "spravedlivost": metod neokonchennyh predlozheniy kak instrument validizatsii ['Core' and 'periphery' of the concepts 'happiness' and 'justice': Unfinished sentences technique as a means of validation]. *RUDN Journal of Sociology.* 2022; 22 (4). (In Russ.).
22. Scheler M. *Resentiment v strukture moraley* [Resentment in the Structure of Morals]. Saint Petersburg; 1999. (In Russ.).
23. Blitvich P.G.-C. Moral emotions, good moral panics, social regulation, and online public shaming. *Language & Communication*. 2022; 84.
24. Clark D. Drag them: A brief etymology of so-called "cancel culture". *Communication and the Public*. 2020; 5 (3–4).
25. Dias N., Druckman J.N., Levendusky M. Unraveling a "Cancel Culture" Dynamic: When and Why Americans Sanction Offensive Speech. 2024. URL: https://ssrn.com/abstract=4235680 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4235680.
26. Dickson E.J. Men Always Win: Survivors "Sickened" by the Amber Heard Verdict. 2020. URL: https://www.rollingstone.com/culture/culture-news/amber-heard-johnny-depp-verdict-metoo-trial-1361356.
27. Hasinoff A.A., Schneider N. From scalability to subsidiarity in addressing online harm. *Social Media + Society*. 2022; 8 (3).
28. Henderson R. The atavism of cancel culture. *City Journal.* 2019; October.
29. Khosravi N.M. Social media critical discourse studies. Flowerdew J., Richardson J. (Eds.). *Handbook of Critical Discourse Analysis*. London; 2018.
30. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Neighboring countries' images: Persistent stereotypes of the Russian student youth. *RUDN Journal of Sociology.* 2017; 17 (3).
31. Norris P. Cancel culture: Myth or reality? *Political Studies*. 2021; 71.

32. Owens E. *The Case for Cancel Culture*. Washington; 2023.
33. Shepherd T., Harvey A., Jordan T., Srauy S., Miltner K. Histories of hating. *Social Media + Society.* 2015; 1 (2).
34. Suvakovic U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems. *RUDN Journal of Sociology.* 2016; 16 (4).
35. Trotsuk I.V. Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions. *RUDN Journal of Sociology.* 2021; 21 (2).
36. Trotsuk I.V., Subbotina M.V. Three questions to start the sociological study of heroism. *RUDN Journal of Sociology.* 2021; 21 (1).
37. Valdes I. El Congreso aprueba la 'ley del solo sí es sí', que consagra el consentimiento como clave de la libertad sexual. 2022. URL: elpais.com.
38. Wong R.S. Revisiting cancel culture. *Contexts*. 2022; 21 (4).
39. Yardi S., Boyd D. Dynamic debates: An analysis of group polarization over time on Twitter. *Bulletin of Science, Technology & Society.* 2010; 30.